

«Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

Тарас Бульба. Николай Гоголь

Да полно, Николай Васильевич. Что-то Вы того, соврамши. Припомним хотя бы ближайшее к нам время суконных буденовок и легендарных тачанок. Ух, как резали братья друг друга, особенно на Украине. Да и искусственно организованный там же через десяток лет голодомор говорит о чем-то очень существенном. Невольно вспоминаются горькие слова того же Тараса Бульбы: «свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке». Так что последнее, как тенденция, проявилась задолго до приснопамятного 2014. Но лично для меня авторитет Гоголя был неколебим, несмотря на то, что многие умные люди именно ему приписывают сейчас всеобщий критический взгляд на русское общество в 19 веке, что в конце концов и привело к революции. Да иначе и быть не могло. Мир Хлестаковых, Маниловых, Коробочек, Городничих, Ноздревых и Собакевичей вряд ли имеет право на существование. Но первая трещина в моем великорусском мировоззрении появилась где-то в конце 1995 года, в разгар всеобщего криминала. Я тогда возвращался из Одессы после бурного семинара работников сохнута, с музыкой, танцами, флиртом напрополую, с одесским Привозом, стриптиз-баром за казенный кошт и прочее, прочее. В конце концов, окончательно отощавший в смысле собственных карманных, я прихватил в ближайшем киоске поллитру с яркой наклейкой, убеждающей меня в ее чистейшем «пшеничном» происхождении, и отбыл на малую родину в Бердянск. По дороге, от скуки в дребезжащем с разбитыми окнами вагоне, я приложился пару раз к этой «паленке», и тут началось. В общем, я приехал в Запорожье едва живой, у меня было окно в несколько часов, и я пошел на местный базарчик перехватить какой-никакой экзотический фрукт, чтоб почистить организм. Хватило на пару бананов. Я стоял, снимал кожуру, и тут рядом услышал разговор, который меня буквально ошарашил. В то время стихийные митинги возникали как воронки на воде, то тут, то там, выплескивая массу интересной и незнакомой информации.

Общество, лишенное в течение 70 лет доступа к самым элементарным фактам и мнениям, питалось этим словесным планктоном и не могло насытиться. Но тут поперло что-то совершенно немыслимое. Стайка молодых парней вполне трезвого (сис!) вида поносила вонючую, заплывшую салом Хохляндию. Главным объектом звериной ненависти был украинский язык. И это в самом сердце запорожского казачества, рядом с Хортицей! Во, блин! Главный аргумент был, что не может нормально мыслить человек, который вместо «ребенок» говорит ДЫТЫНА, вместо «лестницы» – ДРОБЫНА. А их Ленский поет «Чи гепнуть я дротом продертый». И т.д. и т.п. Я украинский осваивал в бригаде электриков на Львовском номерном, 24-м. Мне нравилась их певучая галицийская мова с большим вкраплением мягко шипящего польского. И, садясь перекусить во время перерыва, с неизменной мензуркой чистейшего ректификата, никто не обращал внимания на каком языке кто говорит. Одни, особенно которые отслужили срочную - говорили по-русски, другие на мове. Все это было как-то гармонично и лишь придавало соли привычным мужским байкам, с преимущественно женской темой. Чаще всего насчет одной девчухи со сборки, которая работала там после окончания школы. В ней была какая-то толика еврейства и нас все пытались свести, чем приводили меня в жуткое смущение. И вся разогретая компания добродушно ржала. С того времени прошло уже 20 лет и разговор с такой отвратительной направленностью меня буквально потряс.

Мне случалось сталкиваться и с экстримом другого толка. Тогда к нам в институт ректором пришел Максимович, муж небезызвестной Марии, бывшей радистки самого Николая Кузнецова. Ему приписывали два генеральных тезиса. Первый был: «В моем институте будут преподавать только на украинском языке». И второй: «В моем институте я не допущу, чтобы евреи превысили 5-процентную норму».

Первое он начал осуществлять немедленно. На минуточку, это был 1964-й год. Помню как сейчас, пришел тогда в аудиторию Полищук, зав-кафедрой измерительной техники, ведущей на нашем факультете автоматики, и сказал: «С этого дня все лекции по моему предмету будут читаться на украинском. Иностранцы, сидящие здесь, могут выйти. Я им прочитаю эту самую лекцию на русском». Кстати, никто не вышел. А мне было до лампочки. Он читал на мове, а я успевал все записывать на русском. Хрена ли. Есть о чем спорить.

Но через десять лет после того примечательного разговора, подслушанного мной на рынке в городе Запорожье, я услышал буквально

то же самое. Опять о «дытыне», «дробыне» и «Чи гепнусь я...» у костра под Мельбурном на слете бардов, в 6 часов утра, пока еще все спали. Пара хлопцев из Новой Зеландии, заглянувших специально на мельбурнский слет, толковали о том же. С необычайной злобой. Это был уже 2006-й.

Тема имела неожиданное и несколько даже драматическое продолжение уже с прямым моим участием. Через год после слета в лесу, то есть осенью 2007-го, я попал в финал поэтического турнира в Лондоне «Пушкин в Британии». И там, в заключение, Владимир Бондаренко, бывший в жюри турнира, познакомил нас с малоизвестным тогда стихотворением Иосифа Бродского «На независимость Украины». Интересно, что сам Бродский это свое стихо никогда публично не озвучивал, и его можно понять. Привожу его в той редакции, в которой нам его представил тогда Володя.

ИОСИФ БРОДСКИЙ

На независимость Украины

1994

Дорогой Карл XII, сражение под Полтавой,
слава Богу, проиграно. Как говорил картавый,
"время покажет Кузькину мать", руины,
кости посмертной радости с привкусом Украины.
То не зелено-квитный, траченный изотопом, –
жовто-блакытный реет над Конотопом,
скроенный из холста, знать, припасла Канада.
Даром что без креста, но хохлам не надо.
Гой ты, рушник, карбованец, семечки в полной жмене!
Не нам, кацапам, их обвинять в измене.
Сами под образами семьдесят лет в Рязани
с залитыми глазами жили, как при Тарзане.
Скажем им, звонкой матерью паузы медля строго:
скатертью вам, хохлы, и рушником дорога!
Ступайте от нас в жупане, не говоря – в мундире,
по адресу на три буквы, на все четыре
стороны. Пусть теперь в мазанке хором гансы
с ляхами ставят вас на четыре кости, поганцы.
Как в петлю лезть – так сообща, путь выбирая в чаще,
а курицу из борща грызть в одиночку слаще.

Прощевайте, хохлы, пожили вместе – хватит!
Плюнуть, что ли, в Днипро, может, он вспять покатит,
брезгуя гордо нами, как скорый, битком набитый
кожаными углами и вековой обидой.
Не поминайте лихом. Вашего хлеба, неба,
нам, подавись мы жмыхом и колобом, не треба.
Нечего портить кровь, рвать на груди одежду.
Кончилась, знать, любовь, коль и была промежду.
Что ковыряться зря в рваных корнях глаголом?
Вас родила земля, грунт, чернозем с подзолом.
Полно качать права, шить нам одно, другое.
Это земля не дает вам, кавунам, покоя.
Ой да Левада-степь, краля, баштан, вареник!
Больше, поди, теряли – больше людей, чем денег.
Как-нибудь перебьемся. А что до слезы из глаза –
нет на нее указа, ждять до другого раза.
С Богом, орлы, казаки, гетманы, вергухай!
Только когда придет и вам помирать, бугай,
будете вы хрипеть, царапая край матраса,
строчки из Александра, а не брехню Тараса.

Как говорится, вопрос исперчен. Куда там хлопцам из Запорожья
(Конотопа) или Новой Зеландии. На то он и нобелевский лауреат.
Сказал, как говно по стенке размазал, И неважно, что здесь правда, что
ложь. Это как раз те слова, которые как челнок в вязальной машине,
формируют материю.
Интересно другое. Получив в свое распоряжение столь горячий текст, я
не знал, что с ним делать. Он обжигал руки. И я решил проверить
реакцию публики. Тут как раз случилось в Мельбурне заседание так
называемого «дискуссионного клуба». Я взял слово, надеясь впарить
этот текст между делом, не концентрируясь... И запустил очень большую
тему насчет опасности раскола национального сознания. Рассказал, как
пал Иерусалим 2000 лет назад. Как античные радикалы, воинственные
фанатики «зелоты» (кинжальщики), вместо того, чтоб организовать
сопротивление римлянам, гонялись по осажденному городу вместе с
недавно обращенными в иудаизм идумеями за священниками из храма,
обвиняя их в готовности сдать Веспасиану, чтобы сохранить храм,
религию и государство. Кругом валялись истерзанные трупы в богатой
священнической одежде, расшитой самоцветами. В конечном счете,

чтобы исключить самую мысль о соглашательстве, эти zeloty подожгли продовольственные склады, где было жратвы и вина еще года на три осады. После чего в городе начались эпидемии, голод, людоедство и пр. И, наконец, трагический и неизбежный финал. В заключение я привел стихотворение Бродского – дескать, как происходит нечто подобное на наших глазах. Что тут началось! Кто-то посреди чтения вскочил на ноги и стал на меня орать Я предложил ему не слушать и на хрен убраться, а я дочитаю. И он убрался, а я дочитал, невзирая на общий ропот. Иерусалим моментально был забыт. Меня обвинили в гнусной попытке поссорить два великих бртских народа – русский и украинский (на минуточку, в зале сидели 90 процентов с пятой графой – ужасно смешно). А на мое замечание, что это не более чем стихотворение Иосифа Бродского, написанное в 1994 году, никто не обратил внимания, а ведущий Зяма Плотке заявил, что это самое отвратительное выступление, которое он когда-либо слышал, и все должны от него откреститься.

Сказать, что я был обескуражен, значит ничего не сказать. В общем-то мне хотелось, кроме прочего, как-то донести, что крупнейший русский поэт на голубом глазу озвучил глубоко обывательскую, примитивную, абсолютно шовинистическую русопятскую точку зрения, потому, наверное, и стеснялся объявить ее публично. И не зря. Что и показала стихийная реакция зала.

Через семь лет гроыхнуло. Вот так. А Зяма Плотке передо мной так и не извинился, увы.